

Свой человек

Я не помню, когда и как Юрий Никулин впервые появился в нашей редакции. Кажется, его привела Светлана Спиридонова, работавшая тогда у нас замом главного редактора. Это было пять с лишним лет назад. Мы только начинались. И как раз формировали свой первый Общественный совет. Юрий Владимирович сразу согласился войти в его состав. И уже скоро мы просто не представляли, что это могло быть без него.

К своим обязанностям Юрий Владимирович относился очень серьезно и всегда высказывал готовность помочь нам чем может. В то время, впрочем, как и сейчас, одной из главных проблем был поиск средств на издание газеты, на осуществление каких-то редакционных проектов... Никулин шутил: вы только свистните, я зверей цирковых возьму и мы нанесем визит кому следует. А однажды он предложил: соберите бизнесменов, меня позовите, мы посидим, по рюмочке выпьем, глядишь, что и получится. На такие встречи он приходил всегда. Рассказывал анекдоты, снимался в обнимку с нашими потенциальными партнерами, и те, разомлевшие от счастья такого общения, частенько из потенциальных превращались действительно в реальных.

Присутствовал Юрий Владимирович практически и на всех заседаниях нашего Совета. Очень внимательно все слушал, задавал серьезные вопросы, но очень тонко чувствовал ту грань, за которой можно и нужно перейти от действительно серьезного к празднику. А праздник остро-

умия был всегда, когда мы собирались вместе с Никулиным. И эти праздники навсегда останутся в нашей памяти.

В эти скорбные дни прочитал в одной газете, что последний раз на манеж цирка Юрий Никулин вышел в 1985 году. Это так. Но и не совсем так.

Летом 1995 года мы готовились к выходу тысячного номера "Вечернего клуба". Юрий Владимирович предложил провести праздник в его цирке. Надо ли говорить, что предложение было с благодарностью принято! Мы так и писали в приглашениях: у Юрия Никулина на Цветном бульваре.

В тот день, разумеется, мы пришли в цирк заранее: надо было еще раз все утрясти, сверить программу, ведь в представлении участвовали не только цирковые артисты, но и многие из друзей нашей газеты. Никулин тоже был в цирке, но на его двери висела табличка, оповещающая, что он отдыхает. Мимо этой двери все проходили буквально на цыпочках.

Когда до начала представления оставалось совсем немного, мы все-таки решились переступить порог: "Юрий Владимирович просил его разбудить". Секретарша знала, что это правда, но все равно смотрела на нас как на врагов народа. Тут же из-за двери послышался никулинский голос: "Валерий, заходи, я уже готов".

Когда я вошел в его знаменитый, похожий на музей (надеюсь, там и сделают его музей) кабинет, он тяжело поднимался с дивана. Был он одет совсем по-домашнему:

в трусах и майке, и от этого казался еще более близким, дорогим, родным человеком. "Извини, что-то прихворнул, сейчас только переоденусь".

Через несколько минут он, как всегда несущий в себе удивительный заряд оптимизма, вышел на арену под овации зрителей, открыл наш праздник, рассказывал что-то смешное. Вернувшись за кулисы, еще раз сказал: "Извини, до конца остаться не смогу. Сердце прихватило". Это было 8 июня 1995 года. После этого мы встречались еще не раз.

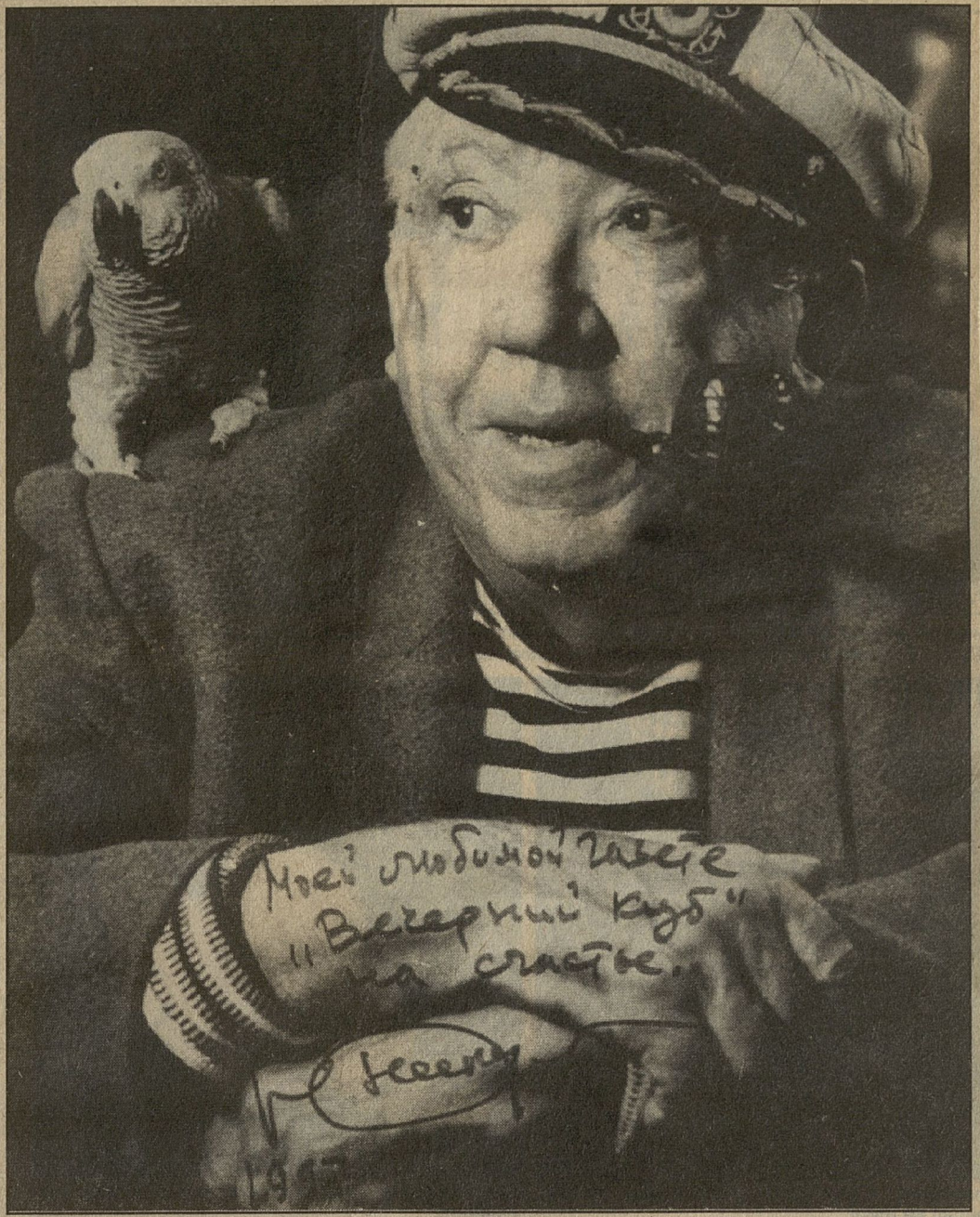
Одно время пассажиры московского метро каждые несколько минут слышали записанный на пленку знакомый голос: "К вам обращается директор Старого цирка..." Далее Юрий Владимирович призывал всех подписываться на его любимую газету "Вечерний клуб". Эти же слова он написал и на подаренном нам совсем недавно плакате.

В день смерти Юрия Владимировича Никулина наша редакционная летучка почтила его память минутой молчания. Это естественно. Он был для нас своим человеком...

Но мне рассказали, что ночью на молодежной дискотеке в Серебряном бору в самый разгар летнего шашабади-джей вырубил музыку: "Умер Юрий Владимирович Никулин". И все замолчали, и все встали... Он был своим, любимым человеком для всех. Для всех поколений, для всей страны.

Оттого так тяжела эта утрата.

Валерий ЕВСЕЕВ, главный редактор "ВК".

Юрий Владимирович Никулин рассказывал, что иногда ему снится страшный сон: он выступает, а люди не смеются

Веч. клуб - 1997 -
28 авг. - с. 3.

Человек в собственной жизни играет лишь небольшой эпизод.

Станислав Ежи ЛЕЦ

Около служебного входа в цирк, тускло освещенного круглым фонарем, стоял пожилой человек в пенсне, одетый в черное, застегнутое наглухо пальто. Из-под акаракулевой шапки пирожком виднелись благообразные седые виски.

— Простите, — начал он, увидев меня, выходящего из цирка, — не могли бы вы уделить мне немного времени?

После трех воскресных спектаклей никакого настроения в кем-либо говорить у меня, конечно, не было. Скорее домой, попить чаю да спать.

Незнакомец, словно угадав мои мысли, продолжал мягким, грудным голосом: — Разговор ведь, Юрий Владимирович, пойдет о вашей судьбе, которая меня искренне волнует и беспокоит.

Заинтересованный, я покори́лся. Мы отошли к забору Центрального рынка, и я выслушал все, что рассказал мне незнакомец.

С трудом подбирая слова, сбивчиво и торопливо мужчина сообщил мне, что он военный инженер, сейчас на пенсии, живет один с собакой и очень любит искусство.

— Искусство, — продолжал он, — пожалуй, единственное, чем заполнена моя одинокая жизнь. За вами, Юрий Владимирович, наблюдаю давно. Не пропустил ни одного фильма с вашим участием. Вы стали одним

из моих любимых актеров. И представьте себе, для меня было великой неожиданностью узнать, что вы работаете в цирке клоуном.

— Да, — подтвердил я. — Цирк — моя постоянная работа. Вот это-то меня и удивляет. Я сначала не поверил. Но по телевидению было ваше интервью... Я не любитель цирка. Но вас решил посмотреть. И смотрел не один раз. Признаюсь вам откровенно, я потрясен.

Я улыбнулся, заранее ожидая комплименты. Мысленно уже подбирал ответные фразы. Привычное "спасибо!" или ироническое "Ну, так ли уж..."

— Да, я потрясен! — продол-

жал мой незнакомец уже с пафосом. — Как вы, талантливый, умный, культурный человек, решили связаться с цирком, который вас губит и уничтожает?

От неожиданности я замер. — Я говорю вам это, — продолжал человек, — любя, уважая и с надеждой вразумить вас. Как вы, сыграв такую психологически глубокую роль в фильме "Когда деревья были большими", опустились до этого?..

— До чего "до этого"? — наконец спросил я.

— Выходить в нелепом костюме, изображать дурака. Вы ведь на арене, простите меня, дурачок. Ну как можно унижать себя? Ведь это абсурд: прикреплять выстрелом своему партнеру бантик, извините... на его зад. А эта глупейшая фраза: "Снимаем обыкновенную шляпу с необыкновенной головы".

— Но ведь смеются же, — неуверенно сказал я.

— Да потому что вы дурак, извините. Смеются над дураком. Разве вы получаете удовольствие от этого?

— Получаю, — ответил я уже твердо.

— Платят хорошо? — спросил он.

— Да как вам сказать... — начал я, словно оправдываясь, — как везде.

— Тогда плюньте на цирк, снимайтесь в кино! Недавно я третий раз смотрел "Ко мне, Мухтар!" по телевизору. Гуманный фильм. Если вам с публикой расставаться жалко, мой совет — идите в театр... на благородные подмостки. Творите вместе с Шекспиром, Островским, с советскими драматургами. Вы поняли меня? Вы не обиделись?

— Я вас понял и не понял, — ответил я. — Но, во всяком случае, не обижаясь.

Признаться, мне стало, конечно, обидно за себя, за цирк, за моих товарищей по работе. Я подумал: "Ну что я буду объяснять человеку сейчас на улице под дождем?"

— Это не разговор — на улице. У нас с вами разный взгляд на искусство цирка.

— Искусство ли? — вставил ехидно мужчина.

— Да, искусство, — ответил я. — Искусство, которое вы просто не любите и не понимаете. Попрощались с ним и пошел прочь.

Несмотря на мелкий моросивший дождь, решил пройтись немного пешком. Разговор меня взбудоражил. Так откровенно и прямо со мной на эту тему заговорили впервые. Слова этого человека поселили в мою душу сомнения. Мало того, уже сворачивая на Петровский бульвар, я придумал несколько убийственных фраз для отповеди этому цирконеаветисту.

Я шел и думал о себе. О судьбе, которая накрепко связала меня с цирком. Думал о редкой профессии, клоуна. Прикинув в уме, я подсчитал, что в цирках всей нашей планеты едва ли наберется пятьсот клоунов.

Я сел в пустой троллейбус и вдруг представил себе, что пятьсот клоунов можно легко рассадить в десятки троллейбусов. И вообразил: десять троллейбусов, украшенных разноцветными лампочками, воздушными шарами флажками, проносясь по бульвару. Клоуны в пестрых костюмах машут руками, смеются, что-то кричат. Из окон домов высываются заспанные дети. — Клоуны поехали! — кричат

они. — Кло-у-ны поехали! Наверное, у них всемирный съезд.

А может быть, в троллейбусах вовсе не шумно, а тихо. Едут троллейбусы медленно, и клоунам не до веселья. Они, как и я, возвращаются с работы усталые и молчат.

— Весело ли вам бывает, когда вы выступаете в цирке? — спросила меня девочка-первоклассница, когда я выступал в одной из школ.

Я не сразу ответил ей. Если сказать "не весело", то она не поверит. Помню, тогда я задал контрвопрос: — А тебе весело в цирке?

— Ага.

— Ну, так вот, когда я вижу, что тебе весело, мне тоже становится весело. Я радуюсь. Поэтому выходит, что мы с тобой веселимся вместе.

— А если у вас болит нога? — поинтересовалась девочка.

Тут отвечать легче — я же клоун, а потому спросил ее: — Какая нога — правая или левая?

— Левая, — подумав, ответила девочка.

— Тогда у меня веселится одна правая нога, — сказал я под смех ребят.

Моя профессия — смешить людей, вызывать смех во что бы то ни стало. Когда мой сын, в то время еще малыш, тяжело заболел и врачи опасались за его жизнь, я выступал в Ленинграде по три раза в день (школальные каникулы). Все время я думал только о сыне. По несколько раз в день звонил домой и спрашивал о здоровье мальчика. Но все эти дни я твердо знал, что в одиннадцать тридцать утра начинаются первые представления и на нем будет около двух тысяч детей, пришедших посмеяться над клоунами.

И я работал. Помогали опыт, актерская техника, веселый настрой зала, отвлекающий меня от мрачных мыслей.

Почему люди идут в клоуны? Есть ли что-нибудь общее, объединяющее этих людей?

— Никулин, перестань клоунничать! — говорила мне учительница немецкого языка.

— Он у вас, Лидия Ивановна, ведет себя в школе как клоун, — часто выговаривал моей маме классный руководитель.

А может быть, верно? С детства у меня возникло желание смешить людей и получать от этого удовольствие, хотя некоторые шуточки и выхолили мне боком. Когда я впервые попал в цирк, больше всего меня пленили клоуны.

Притягательность цирковой атмосферы я ощутил, когда впервые пошел с отцом за кулисы, в пахнущие навозом конюшни и сам кормил лошадей. Наверное, тысячи детей подносили на ладошке ломтики моркови, купленной за пятак (в цир-

ке тогда продавали морковь зрителям), к теплым лошадиным губам и так же, как и я, испытывали восторг. Я это помню до сих пор. Как помню и мое разочарование, когда впервые увидел за кулисами клоуна.

Отец тогда уже писал для цирка. И как "свой", повел меня в антракте за таинственный красный занавес, отделяющий фойе от кулис.

Чтобы купить лимонад, мы зашли в закусочный буфет. И вдруг за маленьким столиком я впервые близко увидел живого клоуна. В рыжем парике, с большим красным носом, он сидел, склонившись над столом, и пил чай с баранками. Я ожидал, что сейчас произойдет что-то необычное, очень смешное. Может быть, он подбросит баранку и поймает ее ротом, может, еще что-нибудь сделает удивительное. А клоун деловито пил свой чай, и ничего не происходило. Я подошел к нему поближе, чтобы лучше увидеть и не прозевать, если что-нибудь все-таки будет происходить. И начал заранее смеяться. Клоун, посмотрев на меня строго, сказал: — Что смеешься? Иди, иди отсюда.

Смушенный, я отошел. — Папа, он меня прогнал, — пожаловался я.

— И правильно сделал, — сказал отец. — Он же устал. Ему надо поспать. Он сейчас не клоун, не артист.

Никак не укладывалось у меня тогда в голове, что это клоун и в то же время не клоун. Я был уверен, что клоун всегда должен быть смешным.

Теперь, проработав более четверти века в цирке, я немало знаю о клоунах. И мне понятно возбуждение детей и взрослых, которые, подходя ко мне за кулисами или здороваясь издали, заранее начинают смеяться. Помня свое разочарование в детстве, я стараюсь поддерживать репутацию клоунов и не остаюсь в долгу. Подмигнув или пощекотав живот какому-нибудь малышу, я продолжаю быть клоуном: пусть дети думают, что я всегда смешной.

— Весело ли вам бывает, когда вы выступаете в цирке?

Снова и снова я вспоминаю этот вопрос по пути домой. Действительно, а что я испытываю во время спектакля? Пожалуй, больше всего — волнение, озабоченность, удовлетворение, если чувствую, что точно сработал трюк, и ощущаю, как хорошо принимают сегодня репризу. Это я испытываю, но не веселье. Иногда радуешься после пред-

ставления предстоящему отдыху. В цирке нагрузка доходит до сорока представлений в месяц, а в дни школьных каникул и до шестидесяти. В такие дни не до творчества, не до взлетов актерского мастерства. Напряженная работа, работа на износ, и каждый вечер мы считаем, сколько осталось дней до конца каникул.

Ты чувствуешь себя заведенной машиной. До веселья ли тут?

— А вам не надоело делать каждый вечер одно и то же?

Этот вопрос тоже вертелся в голове, пока я шел домой. Да, это тяжело. Иногда даже возникает непреодолимое (и все-таки я его преодолеваю) желание не

идти на работу. Как хорошо, например, пойти в кино или просто почитать, а тут надо в тысячный раз выходить на манеж, бросать под купол бумеранг и проносить во время фокуса с яблоком ту самую фразу, которая так не понравилась человеку, моему "доброжелателю". "Снимаем обыкновенную шляпу с необыкновенной головы".

Любопытно, нежелание работать проходит, как только окажешься в своей гардеробной и окунешься в привычный ритм цирковой жизни. Гримироваться, одеваясь, готовишь реквизит, а тобой уже овладевает знакомое волнение. Я бы сравнил это с чувством, которое испытывает спортсмен перед прыжком в воду.

Смотрю в щелочку у занавеса на зрительный зал, и чуть быстрее начинаю биться сердце. И я уже мысленно там, с публикой, которая ждет. А если к тому же публика сегодня благожелательная и тепло встречает твоё первое появление, то забываешь обо всем на свете. И забываешь, как ты раньше показывал эти репризы, интермедии, сценки. Делал их так, словно никогда не делал раньше, словно выступал в первый раз. И, конечно, работаешь с полной отдачей.

Я люблю свою профессию. У меня никогда не возникало сомнения: искусство ли цирк или не искусство?

Публика любит посмеяться. Я твердо верю в то, что смех укрепляет здоровье и продлевает жизнь. Минута смеха — на день больше живет человек. В среднем наши коверные находятся на манеже тридцать минут за вечер. Так, посмеявшись на одном спектакле, люди продлевают свою жизнь на месяц. Не случайно древняя восточная пословица гласит: "Один клоун, приезжающий в город, дает людям больше здоровья, чем сто ишаков, нагруженных лекарствами". И мне кажется, что зрители это инстинктивно чувствуют.

У английского писателя-фантаста Эрика Френка Рассела есть рассказ "Немного сказки". Два раза посылали люди Земли в далекую галактику космические корабли. Без малого четыре года должны были они пролететь, чтобы вернуться на Землю. И оба корабля не вернулись. Люди не выдерживали психической нагрузки. Не выдерживали дли-

тельного шума двигателей, одиночества. Начинались ссоры, кончавшиеся убийством или депрессиями. После гибели второго корабля был послан третий, который, выполнив задание, летит к Земле. Перед самым приземлением командир корабля подводит итоги полета и мысленно оценивает людей, с которыми летел. В полет были придурчиво отобраны лучшие из лучших ученых, но один из отобранных оказался убийцей. Этот чудак потешал команду своими шутовскими выходками. Как могли взять на борт корабля такого человека да еще в качестве психолога-ученого? Он ухитрился за четыре года семь раз отметить свой день рождения. Это были вечера, когда он устраивал космонавтам целые представления. Играл на нескольких музыкальных инструментах, изображал комические пантомимы, от которых все лежало со смеху.

И только когда космический корабль приземлился, командир узнал, что в качестве ученого-психолога в полет послали известного циркового клоуна. Просто во время полета никто из экипажа его не узнал, ибо раньше его видели только в цирке, где он выступал в гриме. Клоуна послали для того, чтобы он был как бы "смазкой" напряженным до предела и почти обезумевшим в полете людям. И только благодаря этой смазке экипаж выдержал трудности полета, перенес все невзгоды и благополучно вернулся на Землю.

Рассказ кончается тем, что командир корабля смотрел небывающим взглядом в небо и на обелиски космических кораблей.

А внутренним взором он видел весь мир, видел его как гигантскую сцену, на которой каждый мужчина, женщина и ребенок играют прекрасную для всех роль. И, доведя до абсурда ненависть, себялюбие и рознь, над актерами царит, связывая их узлами смеха, клоун.

Я — клоун.

Я получаю радость, когда слышу, как смеется зал.

Я получаю радость, когда вижу улыбки детей и взрослых.

Иногда мне снится страшный сон. Я работаю на манеже. Полно зрителей. Я делаю какие-то смешные трюки, много трюков, но никто не смеется.

Мне страшно. И от страха я просыпаюсь в холодном поту. И потом еще долго не могу заснуть. А в доме тихо-тихо. Все спят. Еще не утро. Но уже и не ночь. И я невольно вспоминаю свою жизнь: детство, службу в армии, первое выступление. И, вспоминая, тихо засыпаю, надеясь, что этот страшный сон больше не повторится.

Рисунки Юрия НИКУЛИНА.